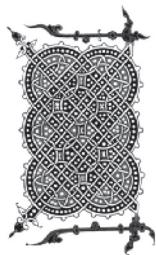

© 2022 Г. П. Дурасов
Москва, Россия

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА

Аннотация. Воспоминания этнографа, агиографа, духовного писателя, коллекционера и тонкого знатока русской традиционной культуры Г. П. Дурасова представляют собой краткий очерк жизненного пути автора, полного «неслучайных» встреч. Мы продолжаем публиковать отдельные очерки, отобранные автором для нашего журнала, касающиеся этнографической тематики. Многолетнее сотрудничество и дружба коллектива журнала с Геннадием Петровичем не раз были ознаменованы его яркими публикациями на разные темы. Яркий язык автора, его острый взгляд и особая памятливость относительно культурного прошлого давно уже снискали ему читательское признание. Данный очерк содержит не публиковавшиеся ранее воспоминания о годах учебы, первых экспедициях и т. д. Христианство, православие всегда сопровождало автора на жизненном пути и определяло его жизненные интересы.

Ключевые слова: русская этнография, православие, русская традиционная культура, народное художественное творчество, полевые этнографические исследования, русская народная вышивка, фольклор, тетерки, издательское дело, Г. А. Кулишов, народный музей схимонахини Макарии, художники С. А. Зверев и Н. С. Морозов, В. М. Зайцев, Московский речной техникум, Государственный исторический музей, каргопольская игрушка, Ульяна Бабкина, Русский Север, частушки, М. В. Хвалынская, научно-просветительские журналы СССР, А. Н. Хромулина, В. В. Кириченко, Н. А. Крехалева.

Ссылка при цитировании: Дурасов Г. П. Жизненный путь глазами этнографа // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 68–85.

Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich) – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., эл. почта gpd1945@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 68–85

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/68-85>

Почва и корни

Мой род происходит из крестьян многострадальной Смоленской земли. Из деревни Грудево той самой Клушино-Воробьевской вол. Гжатского у., где жили мои родственники и родственники первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и где родился он сам.

Грудевские крестьяне владели тогда совсем небольшими земельными наделами: это были три поля, засеваемые рожью, овсом, льном, и лесной участок. Земли были бедные, главным образом глинистые, частью заболоченные. Крестьянский быт был здесь старопрежним. Да и жили грудевцы бедно, в крытых соломой домах, в которых главенствовала большая русская печь. В ней варили обед, пекли хлеб и каждую субботу в печи же мылись и парились, устлав горячий каменный под соломой. Зимой в избе держали и теленка.

Освещалась изба березовой лучиной. Часов ни у кого из крестьян долгое время не было, и время определяли «по солнышку». Питались более чем скромно: ржаной хлеб, картошка, кислая капуста и редька, кислые же щи, гречневая каша с молоком да квас. И лишь по праздничным и воскресным дням, в первую очередь для детишек, пекли рассыпчатые ржаные сдобные лепешки. Посты и постные дни сблюдали здесь строго, а дети росли крепкими и выносливыми.

В метрической книге местной церкви великомученицы Параскевы Пятницы за 1859 г. есть сведения о бракосочетании моего пррапрадеда Василия Васильева двадцати лет, сына крепостного крестьянина поместьи Масловой – Василия Герасимова, и дочери крестьянина Антипа Потапова, девицы Марии восемнадцати лет.

А 6 февраля 1898 г. сочетались законным браком сын крестьянина Клушино-Воробьевской волости Илья Васильева Дурасова – Николай Ильин Дурасов восемнадцати лет (это уже мой дед) с дочерью крестьянина той же волости Федора Андреева – Еленой Федоровой восемнадцати лет и девяти месяцев от роду.

11 апреля 1913 г. в той же церкви крестили одного из их младенцев – новорождённую Александру (мою маму).

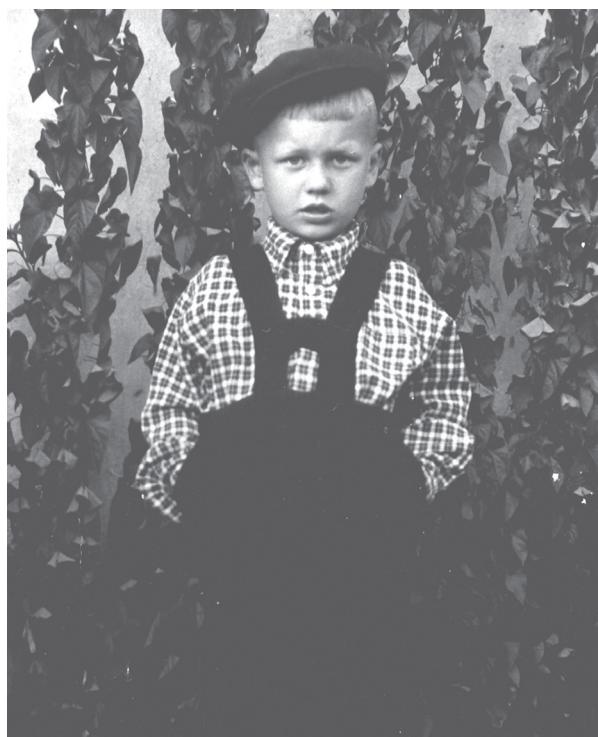
В наших архивах можно найти много интересных документов. Есть там и материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проходившей летом-осенью 1917 г. Вот какие сведения сохранила подворная карточка на хозяйство крестьянина Дурасова Николая Ильича, великорусса по национальности, проживающего в селении Грудево. Читаем: хозяину – 39 лет, его отцу – 75 лет, сыновьям – 15, 13, 11 и 7 лет. Матери – 75 лет, жене – 39 лет. Дочерям – 17, 16 лет, 3 года, а ново-

рожденной всего несколько месяцев. Род занятий – торговля лошадьми. В хозяйстве имелись: земли в общинном владении – 6,4 надельных единиц. Плуг – 1, лошадь – 1, корова – 1, нетель – 1, телят – 2, овец – 5, ягнят – 11, поросят – 1. И все это на семью, состоящую из 12 человек!

Вот откуда пошла моя увлеченность историей, жизнью и бытом русской деревни и ее духовной и художественной культурой. От земли, на которой жили мои предки, и от их родового древа.

Как стать археологом

Родился я в 1945 г. Хоть и был небольшим, но хорошо запомнил, какое трудное было время и с какими героическими усилиями выходил народ из послевоенной разрухи. Помню мартовское морозное утро 1953 г. Мама провожала меня в школу. В проходной гаража, на территории которого мы

Геннадий Дурасов в 5 лет

жили, нам сказали: «Умер Сталин».

Простым людям давали комнаты со всеми удобствами в лучших новостройках Москвы. Сейчас о таком жилье можно только мечтать. Нас с мамой поселили в небольшой комнате трехкомнатной квартиры. Потолок – три метра семьдесят сантиметров. Огромное окно выходило на правительственный Центральный аэродром. А за взлетной полосой аэродрома, в сверкающих лучах солнца, виднелась златоглавая колокольня Ивана Великого в Московском Кремле!

Александра Николаевна Дурасова
с сыном Геннадием. 1948 г.

Учился я теперь в новой школе № 684, где русский язык и литературу преподавал заведующий учебной частью Михаил Васильевич Курочкин. Не знаю почему, но мне он стал давать ответственные задания. В школе проводились концерты художественной самодеятельности. А перед концертом я должен был прочитать небольшой доклад о русском писателе. Материал для доклада он мне давал, ну а мне предстояло пересказать его по-своему.

На нашем одиннадцатом этаже жил мой ровесник Миша Мальгин. Красивый ухоженный мальчик, пapa которого, Федор Михайлович, был дипломатом высокого ранга и много лет жил в США.

Некоторое время спустя рядом с нами поселился наш ровесник Саша Высоцкий (1945–1992). Темноволосый, кудрявый, спортивного сложения красивый паренёк. Из всех ребят нашей школы его можно было узнать по подогнанной под его размер светло-серой офицерской шинели. Отец его, Алексей Владимирович (1919–1977), был боевым полковником в отставке, мать Александра Ивановна – фронтовой санитаркой, лишившейся на войне правой руки. Маму они нередко просили помочь чем-нибудь по хозяйству. Так, придёт Алексей Владимирович: «Шура, почините Сашкины брюки». Мама берет и показывает их Алексею Владимировичу на свет: «Живого места нет, все штопано-перештопано». «Шура, ну сделайте еще что-нибудь», – просит он.

«Ребята нашего двора».
Г. П. Дурасов с племянницей в центре. 1953 г.

Изредка посещал соседей двоюродный Сашин брат, молодой артист Владимир Высоцкий. Под гитару он лихо пел дворовые и тюремные песни. Алексей Владимирович даже купил магнитофон «Днепр», чтобы записать их на память в исполнении племянника. Когда никого не было дома, Саша приглашал к себе, «крутил» эти песни, так что вскоре мы выучили их все наизусть.

Саша никогда не унывал: прилежно учился, гонял голубей, занимался спортом. Но после окончания восьмилетки вынужден был пойти работать в типографию «Красной звезды». Кроме того, он продолжал учиться в вечерней школе. Нагрузка у него была большая, но занятия спортом он не оставлял и в результате стал чемпионом страны по академической гребле.

Как-то по радио мы с Мишой Мальгиным услышали объявление, что Государственный исторический музей, что на Красной площади, рядом с Кремлем, проводит запись школьников в археологические, исторические и художественные кружки. Когда мы пришли записываться, для нас осталась только древняя археология: палеолит, мезолит и неолит. Помню, как добрейшая заведующая «Кабинетом школьника» Валентина Васильевна Краснова посоветовала нам не отчаиваться и записаться в группу к известному археологу Ирине Константиновне Цветковой.

И вот мы изучаем первые три зала музея, где располагались экспонаты древнейших находок, слушаем доклады, читаем статьи в научных сборниках. В руках мы держим черепки с таинственным орнаментом древних людей, орудия труда и зарисовываем их в своих тетрадях. Собираем по фрагментам осколки доисторической посуды и пытаемся их склеивать. В фондах нас учат описывать лежащие в больших плоских ящиках недавно найденные предметы.

К концу учебного года мы уже научились отличать от случайных находок настоящие древние артефакты, к которым прикасалась рука древнего человека. Нас приглашали на отчетные научные конференции, проходившие в музее. А в конце учебного года мы поехали на целый месяц на настоящие археологические раскопки в селе Ибердус Касимовского р-на Рязанской обл. Эта неолитическая стоянка в ученом мире именовалась «Ибердус II». Располагалась она на высоком берегу старицы Оки, откуда далеко-далеко открывались заокские дали.

Во время обеденного перерыва на археологических раскопках в с. Ибердус. В центре Геннадий Дурасов, слева – Димитрий Симиз, будущий известный американский политолог Дмитрий Саймс.

Справа – Михаил Мальгин. 1960 г.

Руководитель экспедиции сразу же поставила нам задачу: «Кто найдет древнее захоронение, получит целый килограмм шоколадных конфет». И одному из ребят здорово повезло. Он получил заветный килограмм лучших конфет, которые только можно было купить в местном сельмаге. А у Ирины Константиновны Цветковой прибавилась еще одна главная забота: все остальное время, до окончания экспедиции, она бережно сохраняла укутанный в вату череп древнего человека. В целости и сохранности его надо было привезти в Москву выдающемуся антропологу Михаилу Михайловичу Герасимову, чтобы он воссоздал облик древнего обитателя Ибердусской стоянки.

Среди героев Октябрьской революции

После окончания седьмого класса, 1 сентября 1961 г., мне пришлось устраиваться на работу в

Экспериментальные мастерские предприятия Министерства связи, или, проще говоря, в почтовый ящик. В характеристике классный руководитель, преподаватель истории Виктор Семенович, написал обо мне: «За время учёбы в 740 школе показал себя с хорошей стороны. Мальчик трудолюбив. Несмотря на трудные материальные условия, учился прилежно и в течение всего периода обучения успевал. Имеет склонности к физическому труду. Наблюдаются артистические дарования. Активный участник художественной самодеятельности. И его выступления пользовались успехом».

Четыре месяца приставленный ко мне старый опытный мастер учил меня всем премудростям радиомонтажа. Я так увлекся своей работой, что рабочего дня мне было мало. Я приходил домой, рисовал схемы, паял и мастерил радиоприемники и усилители.

Вскоре я научился читать чертежи и работал, выполняя план наравне с остальными. Даже самая малая моя ошибка при приемке отделом технического контроля сразу же обнаруживалась, и я ее немедленно исправлял. Сидели мы все в одном большом цехе. У молодых, как у меня, задания были попроще. А рядом сидели мастера высшего разряда. Они делали радиоаппаратуру для спутников. Это было время нашего прорыва в космос.

Как я ни любил свою работу, но вскоре понял, что должен учиться дальше. Но где?

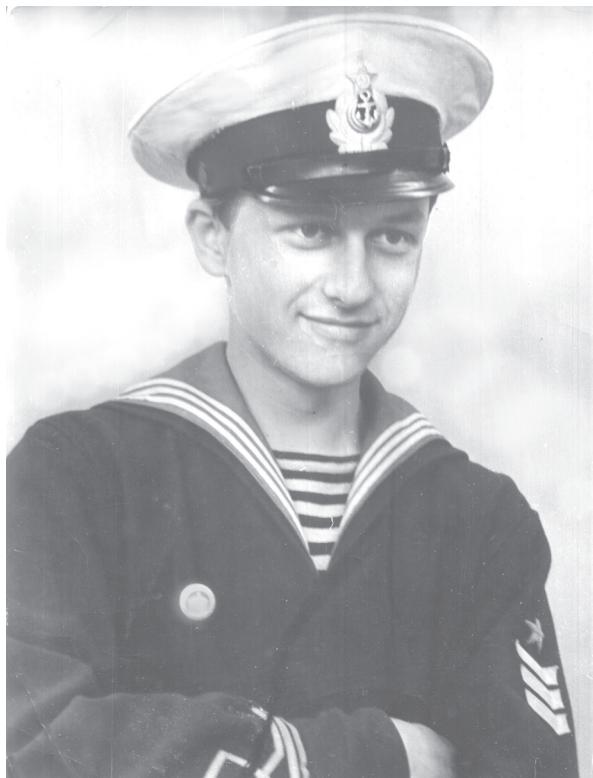
Муж маминой подруги, Дмитрий Михайлович Шаронов, был блестящим преподавателем математики и физики. Его, боевого офицера, тяжело ранило на войне в голову. До конца жизни сильная физическая боль неотступно преследовала его. И только от «тридцати капель белого» она на время затихала. Из-за болезни постоянно работать ему было трудно. И он у себя дома готовил ребят к поступлению в самые престижные учебные заведения Москвы.

Он мне как-то сказал: «Иди в Московский речной техникум. Там каждый преподаватель – профессор в своем деле. У каждого написанные им учебники, которые изучают по всей стране. Четыре года из пяти зимой будешь учиться, а летом – в плавание. Нашу матушку Россию посмотришь, какая она великая!». И хорошо позанимался со мной, готовя к поступлению. С благословения дяди Мити я сдал экзамены на все пятерки и был зачислен первым номером.

В царское время в усадьбе нашего двухэтажного особняка на Ордынке, где располагался техникум, помещался «Дом благородных девиц». Находился он как раз напротив красивейшей действующей церкви в честь иконы «Всех скорбящих радость». Ее колокола звонили каждый праздник, так что все пять лет учебы и защита диплома прошли под торжественные перезвоны Скорбященской церкви.

Когда Алексей Владимирович Высоцкий узнал, что я поступил в речной техникум, он предложил: «В Министерстве речного флота есть теплоход-выставка «Речной флот РСФСР», там кинозал с узкопленочной аппаратурой; ходит теплоход-выставка от Беломорска до Перми, Астрахани и Ростова-на-Дону по ремонтным базам флота, портам и пристаням. Всю Россию посмотришь. Но права киномеханика получи сам».

Слова Алексея Владимировича я воспринял со всей серьезностью. Ведь он был не только творческим руководителем киногруппы Министерства речного флота РСФСР, но и секретарем парторганизации Центрального дома техники, к которому был приписан теплоход-выставка. Я обложился учебниками и сдал экзамен на права киномеханика. А в мае 1964 г., перед началом навигации, меня приняли киномехаником в Центральный дом техники Министерства речного флота.

Г. Дурасов – студент 3 курса Московского речного техникума и рулевой-моторист. 1964 г.

Здесь-то я и познакомился с Федором Макаровичем Матвеевым, который тогда заведовал отделом кадров, тем самым, который стоял на посту номер один и охранял квартиру главы советского правительства Владимира Ильича Ленина. О Федоре Макаровиче, человеке честном, порядочном и удивительно скромном, впоследствии я напишу большую статью в газету «Водный транспорт».

От него я узнал и о Владимире Михайловиче Зайцеве (1885–1967), чье имя было хорошо знакомо многим тысячам водников. Один из руководителей кронштадтского подполья, он с отрядом революционных матросов встречал Ленина в апреле 1917 г. В октябре командовал отрядом матросов при взятии Зимнего дворца. Его назначают комиссаром внутреннего водного транспорта. А в 1919 г. с мандатом Ленина направляют на Каму для доставки продовольствия в голодавшие Москву и Петроград.

Первый Народный комиссар внутренних водных путей России, строитель и основатель Горьковского института водного транспорта В. М. Зайцев. На подаренном 19 февраля 1967 г. фото он написал: «Дорогому Геннадию Петровичу на память за хорошую внимательность и дружбу деловую».

Затем в Нижнем Новгороде он создает большое учебное заведение для подготовки работников водного транспорта, привлекает к педагогической работе лучших капитанов Волги, крупных ученых и инженеров. Студенты ценили его простоту, доступность и большую заинтересованность судьбой каждого из учащихся.

Не раз посчастливилось мне побывать у Владимира Михайловича в его загородной квартире, в поселке старых большевиков, что в подмосковном Кратово. Я – совсем еще молоденький паренёк, а передо мной убеленный сединами старый человек, с огромным жизненным опытом. Он был внешне похож на старорежимного морского офицера с окла-

дистой бородой и большими бакенбардами. Было ему уже за восемьдесят. В прошлом – царские и советские тюрьмы и ссылки, все жизненные испытания, которые он пережил достойно.

Мы долго беседовали, пили чай и снова говорили. Я был покорен благородством и достоинством Владимира Михайловича, и мне очень хотелось собрать материалы об этом по-настоящему преданном своей идее человеке и большевике. И я начинаю свои поиски в центральных столичных архивах Октябрьской революции и Народного хозяйства, еду в ленинградский Военно-Морской архив и в музей, допускают меня и в закрытый Кронштадт.

С фотографом Центрального дома техники ясным солнечным днем едем к В. М. Зайцеву. И это будут самые незабываемые его фотоснимки. Мы уже рас прощались. Но фотограф достает камеру и делает несколько снимков уходящего вдаль с военной выправкой старика в простой черной флотской шинели. Этого благородного и великого духом старика. Это была наша последняя встреча. Через неделю его не стало. Его похоронили на главном в Москве Новодевичьем кладбище.

В память о нашей недолгой дружбе я хочу чем-то почтить его память. Разыскиваю настоящий якорь от речного судна и передаю его родственникам. Это для будущего намогильного памятника первому организатору и руководителю водного транспорта России.

Судьба свела меня еще с одним замечательным и убежденным русским большевиком Николаем Александровичем Ховриным (1891–1972). Он был одним из руководителей кронштадтского подполья, комиссаром Адмиралтейства. С 1930-х годов организовывал подъем затонувших во время Гражданской и Великой Отечественной войн кораблей на Балтике, Чёрном море и Днепре.

Старые большевики-подпольщики дружили многие годы, их письма регулярно ходили из Кратова в Киев и обратно. И вот Николай Александрович присыпает мне бережно сохраненную им пачку писем В. М. Зайцева. Аккуратно написанные мелким убористым почерком, они из первых уст поведали мне много тайн Октябрьской революции. Будущий историк, который когда-нибудь займется исследованием истории этого периода нашей страны, и для себя найдет в них много интересного. А покамест они будут бережно храниться в фондах Каргопольского музея, куда я их передал.

В 1960–1970-х годах я немного писал масляными красками. Посмотрел, как работают настоящие художники С. А. Зверев (1912–1979) и Н. С. Морозов (1924–2012), оба они учились у великого П. Д. Корина (1892–1967). А встретился я с ними в 1965 г. на теплоходе. Тогда я проходил вторую плавпрак-

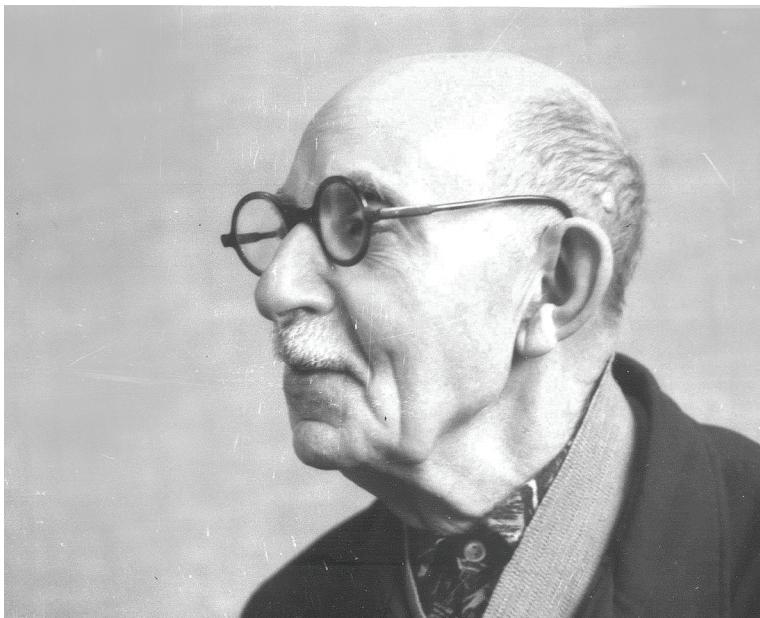
тику перед тем, как стать штурманом, а они, получив бесплатную каюту, путешествовали на нашем «Нарыне» по Каналу имени Москвы, Волге и Каме и писали этюды. У них-то я и учился разбираться в живописи и работать кистью.

Вскоре я понял, что для моих изысканий и увлечений необходимо быть ближе к библиотекам, архивам и музеям. И в 1969 г. ухожу «на берег», в диспетчерскую Канала имени Москвы. А в 1972 г. меня переводят в службу перевозок и движения Московского речного пароходства. Работа здесь была интересная, но серьезная: приходилось держать ответ за каждое принятное решение и отданное распоряжение. Но нам, совсем молодым специалистам, тогда было у кого учиться и с кого брать пример. Наше руководство было в высшей степени ответственным и профессиональным, и мы гордились, что работаем бок о бок с такими профессионалами. Но, кроме гордости за мою работу, меня привлекало еще и то, что она была сменно-суточной.

Тогда я продолжал собирать материалы о нашем первом комиссаре речного флота и о самых интересных находках рассказывал соседу по подъезду Давиду Абрамовичу Ихоку (1882–1967). Это был 85-летний высокий, худощавый старик, гордый, но в то же время общительный, с заметным физическим недугом: постоянно трясущимися руками. Болезнь эта началась у него после ареста в 1950 г. и четырехлетнего пребывания в сибирских лагерях. Со своей супругой Фрумой Альбертовной, бывшей когда-то операционной сестрой у великого хирурга Юдина, они часто сидели на лавочке около нашего подъезда. Или же гуляли под ручку во дворе. Старушки умиленно глядели им вслед и вздыхали: «Наши голубь с голубкой пошли».

В свое время жизнь и судьба Давида Абрамовича были связаны с Архангельской землей, где он сыграл свою определенную роль. На Русский Север он приехал земским врачом, да к тому же и революционером. В годы интервенции возглавил Пинежский Военно-революционный комитет. Арестовывал офицерский состав белогвардейских войск Пинежско-Мезенского р-на во главе с генерал-лейтенантом П. П. Петренко и комендантом Пинеги полковником Н. Г. Хиле.

В Архангельске он возглавил агитпроп губкома РКП(б) и редактировал «Известия Архгубисполкома». По поручению полпреда Всероссийской чрезвычайной комиссии в Архангельске М. С. Кедрова он разбирает и публикует архив Архангельского белогвардейского правительства М. Е. Миллера, возглавлявшего Белое движение на Севере России в 1919–1920 гг. Эти публикации, разоблачающие их и их западных покровителей, получили высокую оценку в Народном комиссариате иностранных дел

Известный советский журналист-международник Д. А. Ихок.
На фото надпись: «Геннадию Дурасову – нашему молодому другу на
добрую память. С наилучшими пожеланиями. 1967»

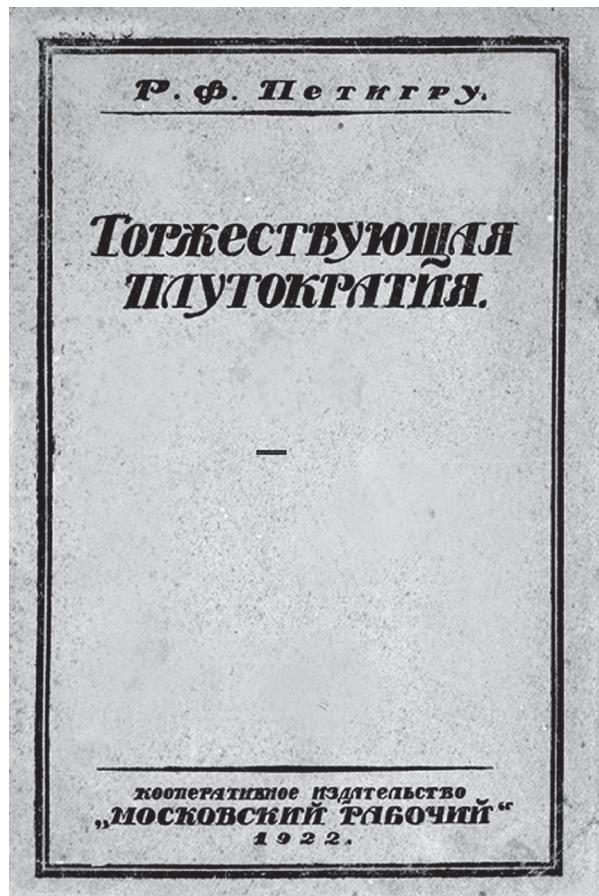
молодой Республики Советов, в редакции газеты «Правды» и на Лубянке. Ф. Э. Дзержинский собирался предложить Д. А. Ихоку место в Главном Политическом Управлении. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин хотел направить его в посольство в Берлине. Но Давиду Абрамовичу достался пост главы Иностранных дел газеты «Правда». И это назначение было не менее важное, чем работа в ГПУ, Коминтерне или Разведуправлении. Здесь он сдружился с ответственным секретарем газеты М. И. Ульяновой, сестрой В. И. Ленина.

И вот однажды Давид Абрамович через мою маму, с которой они нередко вместе сидели на лавочке, приглашает меня зайти к нему. У себя дома он рассказал мне историю о том, как однажды к нему в руки попала изданная в США в 1920 г. книга американского сенатора Ричарда Франклина Петтигру (1848–1926) «Триумф плутократии». Это была история американской политической жизни за последние 50 лет, изложенная на 454 страницах. Более полувека Петтигру провел на общественно-политическом Олимпе Америки. Сенатор жил и работал бок о бок с правителями современных ему США, был членом различных комиссий, много ездил по стране и по миру. Но, самое главное, он имел редкую возможность видеть работу всех внутренних пружин политico-экономической жизни страны. И выводы, к которым он пришел, и по сей день имеют большое политическое значение.

Кое о чём я здесь расскажу, и читатель поймет, что во внешней политике США за последние сто

лет ничего не изменилось! Политика США, как и в наши дни, была полностью построена на бесцеремонном попрании прав суверенных государств, на наглом вмешательстве в их внутреннюю жизнь. Американские политики занимались политическим шантажом, подкупом, интригами и открытым разбоем. Остается только удивляться недальновидности наших, российских, первых лиц, очарованных посулами американских президентов помочь нам и поддержать нас. В свете всего этого видно, как часто мы недооценивали себя, руководствуясь мнением Запада о нас. Я приведу некоторые выводы из книги этого известного американского политика, касающиеся России и ее роли в мировой истории. «Русская революция – величайшее событие нашего времени, она обозначает начало той эпохи, когда рабочие возв

мут на себя задачу управления промышленностью. Она прокладывает путь в ту неизвестную страну,

где рабочим всего мира суждено отобрать от эксплуататоров права на контроль и управление экономической жизнью страны»¹. До сих пор западные «друзья» и «партнеры», уже 30 лет, с начала 1990-х годов, советуют идти предначертанным ими путем, а не нашим собственным.

Давид Абрамович рассказал мне, что показывал эту книгу М. И. Ульяновой, а она сразу же передала ее В. И. Ленину. Рассказал и о том, какое впечатление произвела эта книга американского политика на вождя. Тот дал задание Д. А. Ихоку срочно перевести книгу сенатора Р. Ф. Петтигру на русский язык и незамедлительно издать её.

Хорошей бумаги для книги тогда не нашлось, была лишь шероховатая серая. И в свет книгу выпустили в мягком переплете, не нашлось тогда и картона. Экземпляр сразу же послали автору в США. Петтигру в восторженных тонах ответил Ленину: «В первый раз за всю историю человечества одна из великих наций – свыше ста миллионов человек – декретировала право каждого члена этой нации на полное развитие своей личности. Я считал Вас самым великим человеком из тех, которые когда-либо жили на земле, и вот это единственный случай за всю историю, что один человек сделался вождем целой великой нации при помощи революции и посвятил все свое внимание улучшению участия своих собратьев и интересам человечества». Читая эти слова, задумашься, как сегодня заокеанские советники и европейские соседи усиленно пытаются нас переформатировать и всячески внедрить в наше сознание понятие о нашей неполноценности.

Думается, что и сегодня, для нашего американализированного поколения, не лишним было бы прочитать эту книгу мудрого американского политика. Только с 1922 г. ее так и не переиздавали. Б. А. Ихок написал обо всем этом две большие статьи.

Подводя итог, скажу, что в молодости я был погружен в романтику русской революции. Увлеченно изучал интересующие меня документы и свидетельства тех времен. И несмотря на то, что и наша семья оказалась среди пострадавших в первые годы советской власти, я гордился своим знакомством с видными деятелями революционного движения. Даже начал писать книгу.

Книгу Р. Ф. Петтигру я нашел в Ленинской библиотеке (теперь РГБ) и внимательно прочитал все 400 страниц. Теперь она называлась «Торжествующая плутократия». Разыскал и номер газеты «Правда» со статьей Д. А. Ихока, посвященной выходу книги. Получил и разрешение коменданта Кремля посетить личную библиотеку В. И. Ленина в его кремлевском кабинете. Просмотрел и сфотографировал хранившиеся здесь американское издание 1920 г. и переизданную в 1922 г. в Москве книгу. К

тому же я разыскал и купил у букинистов советское издание книги.

Свет Русского Севера

В один из майских дней, в 1969 г., я понял, что мне просто необходимо отвлечься от моих изысканий и съездить на Русский Север, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Взял отгул на один день, а работал я тогда в Управлении Канала имени Москвы, и после трудового четверга поехал на Ярославский вокзал. У меня было всего лишь три дня в запасе, дальше Вологды не уехать. Ранним утром я уже в древней Вологде. Золотые купола церквей и соборной колокольни парят в голубом весеннем небе, первая листва на деревьях, старинные деревянные жилые дома с узорными наличниками, и все это напоено заливчатым щебетом птиц. Я был счастлив. Вспомнились пронзительные стихи вологжанина Николая Рубцова (1936–1971):

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...*

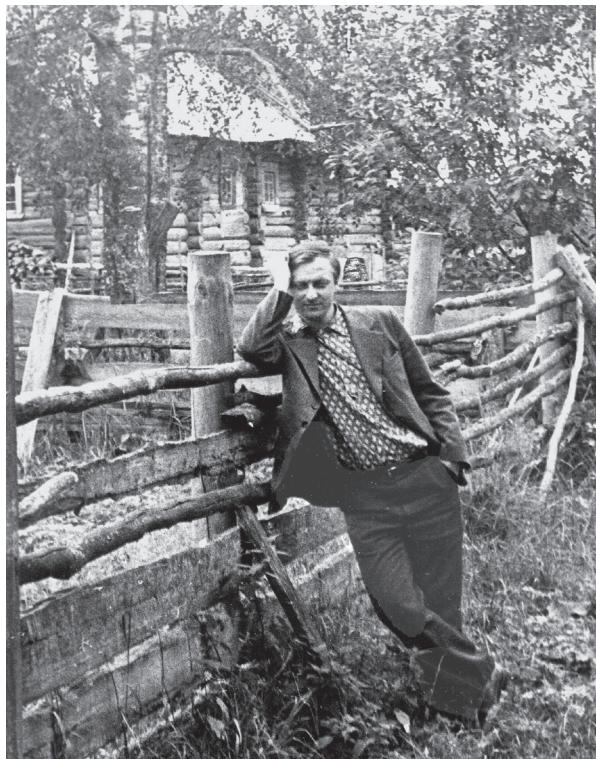
Иду к речной пристани. Решил, что лучше всего сесть на белоснежное суденышко и прокатиться по речке Сухоне, по Кубенскому озеру и Северо-Двинскому каналу, посмотреть с борта теплохода на северную Русь-матушку. А впереди меня ожидали древний мужской Кирилло-Белозерский музей-монастырь и женская Горицкая обитель. Несколько лет тому назад я только проплыл здесь на теплоходе-выставке, а на берег так и не смог сойти.

Спрашивая у встречного с небольшой бородкой и приветливо окающегося вологжанина Юрия, как мне пройти к пристани. Узнав, что путь держу до Кириллова, он меня обрадовал, что у меня в запасе еще часов пять. Можно всю Вологду объехать. И пригласил в гости попить чайку.

По дороге Юрий Петров рассказал, что работает сварщиком на судоремонтном заводе. Самоцветательный художник, в свободное время пишет этюды. Рассказал, что Николай Рубцов, о котором я упомянул, его друг. Бывал у него даже в гостях в Ферапонтове, где у него был деревенский домик.

Лишь вошел я в тесноватую холостяцкую Юрину комнату, сразу обмер от красоты, которая была у него повсюду. На шкафу, на столе, на полках – везде удивительные глиняные игрушки. Видно было, что сделал их человек талантливый и доброты необыкновенной.

Юрий рассказал, что бывал у Ульяны Ивановны Бабкиной, так звали дивную мастерицу, не раз. Жил в ее избушке, помогал чем мог и писал этюды. Там подружился он со своим ровесником, тоже моло-

«Люблю русскую деревню». Деревня Гарь. 1978 г.

дым самодеятельным художником Геннадием Кулишовым, который был дальним родственником бабушки Ульяны. И мне тоже захотелось иметь таких же Полканов и Полканиц, мужиков-гармонистов и женщин с блюдами пирогов в каргопольских нарядах, добрых коровушек, лесных медведок и все-все, что было у Юры в его собрании. Решил: когда приеду домой, накуплю гостинцев и пошлю Ульяне, а она пришлет мне свои игрушки. Так начнётся наша с ней многолетняя дружба. Начнутся мои душевные страдания о неустроенной, одинокой, подчас трагической жизни выдающегося народного мастера России.

Но мне предстояло еще небольшое путешествие по водным путям Севера, где мои мозги хорошо проветрились. К счастью, все архивные и библиотечные дела оказались где-то далеко-далеко. Передо мной раскрывалась другая история моей Родины, изучению которой я посвящу теперь мою жизнь.

В древнем Кирилло-Белозерском монастыре хотелось мне побывать подольше. Неспешно осмотреть храмы, где когда-то стояли иконы великого Дионисия (около 1440–1503/1508), хотя бы обойти музейные залы, осмотреть архитектурные сооружения обители. Но мне говорят, что ближайший и последний автобус, на котором я могу добраться до Вологды, будет через полтора часа. И на все у меня оставалось лишь полтора часа.

Спешно прохожу по музейным залам, бегло смотрю экспонаты, не все этикетки и подписи удается мне прочитать. Очутившись на монастырском дворе, вижу вдруг удивительную, совсем небольшую деревянную церквушку с двумя словно игрушечными маковками. Узнаю, что это дивное, преизящное строение возведено было в 1485 г. в селе Бородавы. Это неподалеку от Ферапонтова монастыря, где сохранились почти полтысячи лет великие росписи Дионисия и его сыновей. И иконы для этой церковки в честь Положения Ризы и Пояса Богоматери были тоже написаны в мастерской Дионисия.

И снова вспомнились строчки поэта:

*И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил,
До черты, небывалой досель...*

И вот я снова в пути. Еду в Вологду по пыльной в колдобинах проселочной дороге. Еду и думаю: «Почему и зачем я сюда ездил. Ведь в памяти моей ярко запечатлелись лишь сказочные игрушки бабушки Ульяны и эта фантастически красивая, необычно гармоничная по пропорциям маленькая сельская церквушка, которая среди других деревянных строений Севера занимала совсем особое место, ведь она была самым древним сохранившимся выдающимся памятником деревянного зодчества Древней Руси». Но тогда я не мог себе и представить, что с ними, с бабушкой Ульяной и с этим церковным строением, будет связана моя последующая жизнь.

Встречи с Ульяной Ивановной Бабкиной

В моей жизни я не выбираю – как, где и что делать. Обстоятельства складываются так, что приходится быть там, где я нужен. Так было и с первой поездкой в Каргополь.

В ноябре 1971 г. мне позвонила художник, искусствовед Лидия Федоровна Крестьянинова. В полном отчаянии рассказала мне она о своей недавней командировке от Союза художников России. В США намечалось провести выставку «Творчество республик Советского Союза», и ей необходимо было привезти игрушки Бабкиной. Тогда-то она и узнала, что местное начальство собирается определить народного мастера без ее воли в дом престарелых. «Народное искусство потеряет одного из лучших своих мастеров», – заключила свой рассказ Лидия Федоровна.

Началось все, казалось бы, с благого намерения – с решения местных властей улучшить жилищные условия знаменитой землячки, предоставить ей более достойное жилье, ведь в своей деревне она осталась одна. А люди все ехали к Ульяне Ивановне. Каждого она старалась накормить, чаем напоить да

спать уложить. О доброте ее говорили, что вместе с угощением «готова и душу на стол выложить». И в этой людской толчее не заметила Ульяна, как не только сама она, но и отчий дом состарился, обветшал.

В Каргополе купили для нее половину дома, но Ульяна Ивановна уезжать из родного дома наотрез отказалась. «Там шум, да машины... да... ой! Здесь-то летом красотушка: поля раздольные, леса дремучие, а на лугах фиалкам конца-края нет. От такой-то красоты душа изумлевается. Я зиму только пересижу в избушке, а из родной стороны никуда не поеду». Она просила лишь об одном – дать ей спокойно дожить в родной деревне, в отчем доме.

Позднее просматривал я в Центральном архиве древних актов переписную книгу Каргопольского уезда за 1719 г. И нашел, что в ее родном Гринёво тогда стоял всего лишь один дом «Артемия Амосова, сына Бабкина». Этот ее далекий предок и был, по-видимому, основателем деревни.

«Гена, – говорила Л. Ф. Крестьянинова мне тогда, – чтобы продлить творческую жизнь Ульяны Ивановны, надо сделать все, чтобы она осталась в Гринёво». Из ее слов мне становилось понятным, что надо немедленно выезжать к Ульяне Ивановне и на месте разрешить все возникшие вопросы. «Но кто за это возьмется? Я решила перечитать все письма, которые хранила Ульяна в сундучке и остановилась на Ваших, – заключила она. – Вы один ничего у нее не просили».

Предлагаю Лидии Федоровне вместе сходить в Центральный Комитет комсомола. В то время в стране действовало множество комсомольско-молодежных отрядов, стройотрядов. Вот один из них и мог бы отремонтировать дом выдающейся народной мастерицы. Мое предложение внимательно выслушал второй секретарь ЦК ВЛКСМ Леонид Иванович Матвеев и поддержал его. Попросил письменно обосновать нашу просьбу. А для этого мне, как комсомольцу-активисту, следовало побывать в областном Архангельске и районном Каргополе, в селе Печниково и деревне Гринёво, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке. И о цели моей поездки сообщили в Архангельский обком ВЛКСМ.

Говорят, что инициатива наказуема, и мне пришлось срочно брать на работе очередной отпуск, получить отпускные, других денег у меня не было, и отправляться теперь уже почти на самый край Русского Севера. А на дворе стоял морозный декабрь.

Первый секретарь Архангельского обкома комсомола меня уже ждал. После короткого разговора он поручил своему заместителю по идеологии Б. А. Гагарину сделать все, что только возможно. Предложение использовать комсомольско-молодежный

стройотряд для ремонта избушки бабушки Ульяны ему тоже понравилось. В Архангельске имя мастерицы тогда было тоже широко известно. И к тому же в день моего приезда открывалась художественная выставка, на которой широко было показано творчество У. И. Бабкиной.

О цели моего приезда было доложено и второму секретарю обкома КПСС Юрию Николаевичу Сапожникову (1928–2013). О попытке каргопольской администрации определить народного мастера в дом престарелых он, конечно, не знал. Тут же взял телефонную трубку спецсвязи и попросил соединить его с Каргополем. Но снежные заносы и оборванные провода так и не дали возможности переговорить с райкомом партии.

Расставаясь с Ю. Н. Сапожниковым, я обещал ему выслать копию своей докладной записки в ЦК комсомола. Ведь цель у нас была одна – помочь замечательному народному мастеру. С Юрием Николаевичем мы встретимся еще раз много лет спустя, когда он пенсионером переедет в Москву. Окажется, что он живет теперь совсем недалеко от меня. Вспомнили с ним тогда встречу в Архангельске в 1971 г. и его музей деревянного зодчества Малые Корелы под Архангельском, созданию которого он посвятил много лет своей жизни и где любил гулять в выходные дни.

Тогда же я попросил помочь мне с транспортом: поезд на станцию Няндома прибывал глухой ночью. Сможет ли междугородний автобус в субботу утром из-за снежных заносов отправиться в рейс, успеют ли расчистить снежные заносы? До Каргополя ведь 85 км, а до Ульянина Гринёва – все 100.

В попутчиках у меня был тогда главный хранитель Музея Рублева В. В. Кириченко. Вместе с ним мы были в Архангельске, куда он поехал по служебным делам. Вызвали его как эксперта по случаю кражи памятников древнерусской живописи. В распоряжении геологов, которые работали в области, был вертолет, на нем из дальнего старообрядческого скита они и вывезли старинные иконы. Сотрудники КГБ геологов поймали, багаж их арестовали и вызвали из Москвы компетентного эксперта. Вот с этим экспертом, который возвращался в Москву, мы и поехали вместе из северной столицы прямо к бабушке Ульяне. Одна голова хорошо, а две – лучше, решили мы.

В Гринёво мы приехали рано утром. Уже шумел на столе самовар, а Ульяна хлопотала у печи. Четыре ее кота – Барчик, Брянчик, Кот-Котофеич и Васька спали на лежанке у печи. Петушок и две курочки расхаживали по избушке, искали нечаянно оброненные зернышки. А из-под печи даже мышка выглянула и спряталась вновь. Все они жили мирно в Ульяниной избушке, и никто никого не обижал.

С Ульяной Ивановной Бабкиной. 1972 г.

Мы попили чай, и когда совсем рассвело, направились в село Печниково, что в семи километрах от Ульяниной деревни. Там нам показали покосившийся домишко о двух оконцах на «лицо», что сельсовет приобрел для мастерицы. Был он к тому же с покатым полом, разрушенными сенями и даже без сараюшки для дров. Да и в печке той игрушки не обжечь, не выдержать ей большого жара. Стояла эта хибарка как раз рядом с домом бывших Ульяниных соседей по Гринёву Боголеповых. В доме у еще молодых Василия и Нины было тогда четверо детей: старший тринадцатилетний Саша, Таня, Катя и маленький Андрейка. Они-то и навещали бабушку Улю в Гринёво. Но часто туда не находишься, а лишь в воскресные дни.

Ульяна Ивановна рассказывала потом, как ходила смотреть эту избушку «на курьих ножках» и твердо сказала: «В эту будку жить не пойду. Там и дров некуда положить, и пол «худой». (А морозы в Каргополье случались в те годы до минус сорока.)

Два дня изучал я жизнь и быт народного мастера. А в понедельник поехал в райком партии к самому главному и грозному человеку в районе, первому секретарю Владимиру Николаевичу Хабарову. После нелегких переговоров решили не медлить и сразу же создать небольшую комиссию из работников райкома, местного исполкома, городской больницы и отдела социального обеспечения. И сразу же на двух машинах отправились в Гринёво.

От такого многолюдья бедная старушка растерялась. Но я быстро

поставил на стол шумящий самовар и уже за чаем повели разговор, который принял дружеский характер. В конце концов сошлись на том, что на какое-то время, пока позволит здоровье, Ульяна Ивановна останется жить в своем доме. Местные школьники возьмут над ней свое шефство и будут навещать ее, а совхоз поможет дровами.

Терпение и труд всё перетрут

Главное во всем, что я делаю, это увлеченность. И делаю, как только полюблю предмет своего будущего исследования. Главное, чтобы это не было формально. Когда мне пытаются объяснить, что мне за это будет

причтаться, я прежде смотрю, интересна ли для меня будет такая работа. Однажды ученый секретарь Института этнографии АН СССР В. Н. Басилов предложил мне, что он поговорит с директором и определит меня на какую-либо институтскую работу. Я его очень уважал и как глубокого ученого, и как отзывчивого человека. Поблагодарил за доверие и сказал: «Владимир Николаевич, я делаю то, что мне нравится, что я считаю более нужным. А в институте много и неинтересной работы, например, социологии. И что я буду делать, если душа тянется к традиционной этнографии. Я уж лучше в свое свободное от работы время буду заниматься этим любимым делом».

Г. П. Дурасов с сотрудниками редакции журнала «Этнографическое обозрение». Стоят: Владимир Николаевич Басилов, Алексей Петрович Павленко, Геннадий Петрович Дурасов. Сидят: Галина Алексеевна Носова, Елена Александровна Эшлиман, Любовь Тимофеевна Соловьева

Я знаю ученых, которые не могли опубликовать даже свою диссертацию. Спрашивают: «Как у тебя это все получается». Отвечаю: «Экономлю, милая, в постыдные дни. А их в году чуть ли не 250». То есть в наше время можно надеяться только на себя. Как говорится, «под лежачий камень вода не течёт».

Свои исследовательские работы я делал подолгу. Исследование о каргопольской пище в общей сложности собиралось и писалось лет десять. А книга «Узоры русской народной вышивки и ткачества» собиралась, писалась и готовилась к изданию 45 лет! Книга «Частушки северного края» в общей сложности отняла у меня восемь лет.

Но вот статья наконец написана, и я её несу в академический журнал «Советская этнография». Здесь меня как автора хорошо знали и делали все, чтобы моя работа увидела свет. Особенно благодарен я заместителю главного редактора журнала Нинель Саввишне Полищук. Она терпеливо сидела со мной и учила, как надо редактировать и готовить к изданию, проверяя и перепроверяя все научные труды. Низкий до земли ей поклон!

Кроме этого журнала, работы выходили в отдельных тематических сборниках научных трудов и в научном православном журнале «Традиции и современность». Каргопольские материалы печатал даже в «Журнале Московской Патриархии».

Хотелось как-то заинтересовать и молодежь. Тогда-то я и написал два сценария на темы русского фольклора. Сценарий под названием «Про любовь...» был сделан по мотивам русских частушек, собранных М. В. Хвалынской. «Совет да любовь» – по мотивам русских народных песен и пословиц. Оба они были опубликованы в альманахе «Молодежная эстрада».

Много писал я о русском народном искусстве для журналов «Юный художник», «Человек и лес», «Очаг», «Стригунок» и других периодических изданий. Кроме того, творческая дружба связывала меня с каргопольской газетой «Коммунист», с архангельскими «Северным комсомольцем» и «Правдой Севера» и другими периодическими изданиями.

На Всесоюзном радио в передаче «Подорожник» прозвучали мои рассказы о русской духовной культуре, о мастерах народного искусства. А во Всесоюзном обществе охраны памятников истории и культуры в 1980–1981 гг. был цикл моих лекций о русском народном искусстве Севера. Теперь всего и не припомнить.

Что касается людей науки, которые оставили в моей душе большой след, то это академики Борис Александрович Рыбаков и Мария Александровна Некрасова, доктора исторических наук Гали Семеновна Маслова, Ирина Владимировна Власова, Марина Михайловна Громыко...

Друзья мои любезные

Первая, кого я хочу вспомнить, это Августа Николаевна Хромулина (1917–1981). С ней мы познакомились в декабре 1971 г., когда я впервые приезжал в Каргополь. Узнав, что со мной приехал В. В. Кириченко, главный хранитель ведущего в стране Музея древнерусской живописи имени Андрея Рублева, Августа Николаевна попросила Вадима Васильевича посмотреть хранящиеся в её музее иконы. Нас троих сопровождала хранитель сокровищ Нина Александровна Крехалева (1929–2000). Спустились мы в полутемный нижний храм собора, где службы не было с 1871 г. Иконы, свезенные сюда из разных церквей района, стояли прилоненные к столпам, держащим свод, и к могучим стенам. Большинство из них было со всученным и кое-где осыпавшимся левкасом и наклеенными поверх реставраторами бумажными полосками. Для постороннего человека это всего лишь «черные доски», но стоило лишь прикоснуться к иконам рукам опытного реставратора, расчистить в мутной почерневшей олифе окошечко с авторской живописью, как оттуда являлись неземные образы и лился райский свет.

Вадим Васильевич по просьбе Августы Николаевны осмотрел иконы, ведь даже внешне по черной доске специалист может определить ее древность. Но в большинстве своем они были XVIII–XIX вв., писанные на дюжих сосновых досках. Все они ожидали своего раскрытия заботливыми руками опытных реставраторов. И неизвестно было, сколько удивительно красивых образцов «северного письма», так называли специалисты каргопольские иконы, скрывала от наших глаз старая олифа.

В первой половине марта 1972 г. Л. Ф. Крестьянинова и я первыми приехали в Каргополь, чтобы организовать проведение в селе Печниково выставки современных народных мастеров Каргополья. Вместе ездили в поисках народных умельцев в Лядины и Ошевенск, прошли деревни Печникового сельсовета.

Когда я поехал в Каргополь, Августа Николаевна дала адреса ткачих, живущих в городе. Показала мне удивительные вышивки, хранившиеся в фондах музея. Меня заинтересовал кумачовый передник, на котором были вышиты, как мне показалось, большие круги с лепестками цветков внутри. А. Н. Хромулина осторожно сказала, что это вроде бы календари, но как их прочитать, никто не знает. Я сфотографировал этот загадочный узор и непременно решил разгадать загадку этих таинственных «календарей». Но первое, что я смог узнать в тот раз, что передник принадлежал Широких Прасковье Михайловне 1882 года рождения, и вышивала она, когда было ей 25 лет, то есть в самом начале XX в.

Восемь месяцев потратил я на расшифровку этого узора. В составлении устного каргопольского месяцеслова большую помощь мне оказали собирательница севернорусского фольклора М. В. Хвалынская, с которой меня познакомила А. Н. Хромулина, и бригадир полеводческой бригады Н. А. Белкина. Она жила как раз там, где и создавался вышитый календарь. Научная статья об этом открытии была напечатана с помощью академика Б. А. Рыбакова в академическом журнале «Советская этнография». Потом уже в своей книге «Язычество древних славян» маститый ученый напишет: «Г. П. Дурасов ввел в науку интересный сюжет севернорусской вышивки – «месяцесловы», или «месяцы»» (Рыбаков 1981: 509).

В Каргополе в 1972 г. познакомился я с замечательной ткачихой и добродушной хозяйкой Пелагеей Тимофеевной Семянниковой. Её домотканые дорожки в Каргополе были, наверное, самыми нарядными. Оттого они и путешествовали по российским и зарубежным выставкам и публиковались в художественных альбомах. Замечательные обрядовые песни записал я в Печниково от Марии Петровны Кушниковой. На прощание она посоветовала: «Скатай-ко ты в Калитинку, зайди к подруге моей, Шуре Назаровой. Поклон ей передай да песен её послушай. Она много тебе споёт».

Случалось, когда я опаздывал на рейсовый автобус, Пелагея Тимофеевна разрешала мне переночевать. У неё квартировали повар столовой Маша Шахова из Няндомы и водитель самосвала Володя Ворсин из Калитинки. Вот он-то и пригласил меня к себе в гости и сказал, что тетя Шура Назарова живет аккурат рядом с ними. Я был поражен гостеприимством Володиных родителей Дмитрия Егоровича и Елены Васильевны, сестры хозяйки дома – Елизаветы Васильевны Поповой, приветливостью другой их тетки Анастасии Михайловны Машалгиной и самой Александры Никаноровны Назаровой. По моей просьбе оделись они в старопрежние наряды и долго-долго пели мне протяжные старинные песни и бойкие частушки.

Теперь необходимо рассказать об итогах трех исследований, которые посчастливилось провести мне на Каргополье. У подруги П. Т. Семянниковой – Ульяны Ивановны Савиной из деревни Ганельская было три загадочных вышивки. На одном куске суконной ткани золотной нитью была вышита женская фигура, на другом – огрудое изображение человеческой фигуры, а на третьем – нога и надпись «Святителю отче Макаро, моли Бога о насть». Об этом шитье хозяйка рассказала, что исполнила его Анна Ивановна Меньшикова из деревни Козлово Устьвольгинской вол. Каргопольского р-на. В Иванову ночь она прыгала через костер и сломала ногу.

А праздник этот приходится на день летнего солнцестояния. Своего рода игра в древний языческий обряд должна была обеспечить хороший урожай хлебов на крестьянских нивах. Но вот лечиться ей пришлось не по-язычески, а по-христиански. Анна Ивановна, как было положено в таких случаях, «положила завет», вышила изображение сломанной ноги и с молитвой повесила в деревенскую часовню перед образом святителя Макария. Нам неизвестно, но, может, и раскаялась за скакание через костер. И больная нога ее срослась.

Особенно удивительным для меня было то, что много лет спустя я увидел такое же изображение больной, но уже выполненное в камне, сделанное в Древней Греции. Только надпись обращена была к сыну Аполлона Асклепию, который почитался богом врачевания. Сообщение об этой находке было напечатано в газете «Известия». Только получился маленький казус: вместо «каргопольского заветного шитья» в заголовке было написано «Заветное за-тишье».

Однажды подруга Ульяны Ивановны Бабкиной П. А. Замятиной рассказала мне, как ее хозяин был деревенском пастухом. А пасти скот нанимали только того, кто имел тайное от постороннего взора рукописание, называемое «отпуском». Голос её стал еще таинственней, когда она сказала, что и у ее мужа был таинственный «отпуск», и теперь он хранится в особом месте. Рассказ её меня очень заинтересовал, потому что в научной литературе об этом были лишь самые скромные сведения. Она обещала показать мне этот «отпуск». Были мы в тот вечер у прежней ученицы Ульяниной – Любови Ивановны Дружининой. И сама она, и её родной брат Сергей Иванович – оба одаренные мастера. И вот идем мы с тетей Пашей из одной деревни в её Стряпково, а уже темная ночь. Пришли к ней в избу, а за нами соседка, любопытствует, зачем гость на ночь глядя пришел. Сидит, слушает наши разговоры и не собирается уходить. И так часа полтора.

Но все же надоело ей выжидать, ушла около часа ночи. Тетя Паша Замятиной – дверь на засов, достает из «красного угла» икону в киоте. Открывает киот, вынимает икону, а за ней тетрадка в корочках. Вот как потаенно хранился в их доме «отпуск». Я его скопировал и вернул хозяйке. А потом, с помощью Марии Васильевны Хвалынской, достал ещё несколько вариантов, но первый был самым полным. Об их содержании здесь говорить не будем. Только скажу, что описан был в «отпсках» весь чин обихода со скотиной в лесном северном kraю, чтобы ни лютый зверь крестьянскую скотину не обидел, ни злой человек. Материал для двух больших статей собирая я не один год, а потом они увидели

свет в научных сборниках, вышедших в Москве и Ленинграде.

22 марта 1976 г. захожу я к М. В. Хвалынской, а она таинственно подзывает меня к столу, а там покрытая салфеткой тарелка. А под ней – невиданное прежде печеное чудо из скрученного длинной веревочкой теста, уложенного кругами, розеточками, лепестками. Рассказала, что преподнесла ей эту «тетерку», так называлась узорная печенина размером с тарелку, ее соседка. Бегу к соседке, спрашиваю, а та и понять не может, почему такой интерес у меня. Сказала, что на день солнечного равноденствия, когда день равняется с ночью, у них в Ошевенске пекут такие «печенины». И этот день как раз сегодня.

Надо ехать. Куда и к кому, не знаю, собрался наугад. На самом раннем автобусе еду более полусотни километров в Ошевенск. Узнаю, что автобус еще дальше пойдет. Еду и я до самого конца, до деревни Гарь. Это как бы на край земли, дальше дороги нет. Выхожу из автобуса, а куда и к кому идти, не знаю. Решил: кого первого встречу, к тому и подойду со своими вопросами. Иду вдоль реки, дома огроменные, в длину метров по тридцать. А у уреза воды под горкой примостились баньки.

В глубине домов вижу колодец, а около него старушки снег разгребают и воду достают. Подхожу, здороваясь, спрашиваю про «тетерки». А надо было вчера приезжать, когда стряпали. Прошу хоть нарисовать узор, а у них не получается, руки, должно быть, захолодели. «А чего мы здесь, пойдем в избу», – приглашают. А в небольшом зимнике, по сравнению с величавой летней избой, и тепло, и хлебно, и пахнет пирогами и топленым молоком. У меня от всего этого даже голова закружилась.

В доме жили две одинокие старушки-подружки. Александра Александровна Савина была в свое время продавцом деревенского магазинчика. Происходила она из старообрядческого рода. А Марфа Алексеевна Соколова трудилась в том же магазине уборщицей. Дом этот, на старости, купили они вскладчину и мирно жили вместе нелегкой трудовой жизнью. Держали корову, сажали большой огород, на полоске за домом сеяли жито-ячмень и пекли из своей муки хлеба-житники.

«Не хочешь ли пирожка?» – предложили мне, и я радостно согласился. «А может, чашечку молочка выпьешь?» – и я вновь утвердительно покачал головой. И опять «старшая по чину» Александра Александровна пытаясь нарисовать в моем блокноте тетерку, но ничего так и не получилось. «Знаешь, приезжай в следующем году за день до «тетерочного» дня (то есть 21 марта), и я напеку тебе настоящих «тетерок», – сказала она. И я с радостью согласился.

Александра Александровна Савина из д. Гарь делала самые красивые тетерки. 1978 г.

А когда спросил, нет ли у них старых узорных «ляпаков», потому как не раз видел в деревенских каргопольских избах распоротые юбки-подольницы, брошенные на пол, о которые вытирали ноги. Или же у рукомойников затертые до дыр старопрежние полотенца с ткаными концами. «Марфуша, – скомандовала строгая Александра Александровна, – сходи-ко ты в хлев, там был сундучишко с тряпьем, что мы хотели выбросить». И вскоре фрагменты старых вещей с браными узорами были принесены и брошены передо мной на вымытый до белизны пол. От чего-то запахло прелостью, что-то было попорчено острыми крысиными зубами. «Забери, пока не выкинули», – строго скомандовала Александра Александровна. Я хотел чем-то отблагодарить добрых хозяек, полез за кошельком, но А. А. Савина еще более строго произнесла: «Что ты, неучто мы за это старое тряпье возьмем деньги». Я им впоследствии послал из Москвы посылку и среди гостинцев положил «ясный» (никелированный) чайник, о котором проговорились добродушные хозяйки.

Завязалась переписка, а через год я был приглашен в их гостеприимный дом за тетерками. При мне «скала» (укладывала) их сама Александра Александровна. В своем деле она была большим художником, и все, что она делала, отличалось совершенством и красотой. А во время работы она называла мне все элементы «украс», из которых состояло это обрядовое печенье. А изображала она «солныш-

ко лучистое», «коников» (коней), которые шли по кругу вокруг «солнца», «березку с сидящими на ней курушками»; «вьюхи», напоминающие свастические узоры с завитыми «по солнышку» концами, «восьмерушки» и «сетчаты-решетчаты». То есть в ее узорах были все элементы архаического, древнего узорочья. В этнографической науке это печенье никогда не было описано! Кроме этого, Александра Александровна и Марфа Алексеевна были хранительницами древних знаний. И это не случайно, ведь жили-то они в деревне, где было в свое время много знатоков традиционной культуры и народного аграрного календаря.

Вот с такими удивительными каргополами – хранителями местной старины посчастливилось мне познакомиться и дружить много-много лет, а точнее два десятка.

В заключение я скажу о моем дорогом, бесценном и рано ушедшем от нас друге, о Геннадии Александровиче Кулишове. Познакомились мы с ним в 1972 г. И с того яркого весеннего дня духовная радость не покидала меня, когда я получал от него весточку или разукрашенное им поздравление с праздником, когда просто вспоминал о нем, перебирая бережно хранимые его письма и каталоги работ. Все это я подарю после его кончины в Каргопольский музей, по фондам которого кто-нибудь напишет о «Певце родного Каргополя» Г. А. Кулишове хорошую добрую книгу.

Удивительно скромный, приветливый, талантливый, гостеприимный – он был, как мне казалось, визитной карточкой Каргополя. Начинают рассказывать приехавшие из этого древнерусского города знакомые и обязательно отметят: «Были у Кулишова!». А какие удивительные этюды писал Геннадий Александрович, как он любил свой родной Каргополь. Какие у него линогравюры! Даже мне он сделал два экслибриса: один с Ульяной Ивановной Бабкиной, которая смотрит на дорогу в ожидании гостей, и другой – с Евангелистом Марком. Сделал он несколько рисунков и для моей книги об узорах вышивки и ткачества, только не дождался ее выхода в свет. В последнем письме он писал о своей болезни, и между строк до боли в сердце чувствовал я, как хотелось ему жить. Писать и писать, запечатлевая на картоне и холсте окружавший его мир Божий, увиденный его просветленным взором.

И еще я многим обязан семье моих гостеприимных друзей из Калитинки. К ним я приезжал, как к самым близким родным. Много-много лет мы переписывались с главой семьи добродушным Дмитрием Егоровичем Ворсиним. И вот однажды получаю от него полное горести письмо. «Деревня у нас стала пустая – сорок домов, а живут в трех домах семь человек всего. Летом в любое время приезжай к нам...».

Так что, когда вспоминаю я свой большой двадцатилетний «каргопольский период», сердце сжимается от скорби. Сколько друзей «высшей пробы» я здесь потерял. И о каждом я помню со дня первой нашей встречи. Таких удивительных людей я больше нигде не встречал. Но и до сего дня дружим мы уже почти полвека с Владимиром Дмитриевичем Ворсиным и его женой Ниной Александровной, и это у меня самое дорогое, что связывает меня с Каргопольским краем.

Красивые книги

Хорошая книга всегда и в первую очередь должна быть красивой. И когда мы в магазине выбираем книгу, первое, на что обращаем внимание, это на ее переплет. Внешнему виду книги я всегда придавал большое значение. Даже когда готовил первые две каргопольские книжки «Сказки бабушки Ульяны» и «Частушки Северного края» в Северо-Западном издательстве, попросил разрешить мне найти художника в Москве, чтобы быть ближе к художнику и видеть весь процесс работы над художественным оформлением.

Эти две книжки должны были печатать в Архангельске, а там и сам переплет выйдет похуже, и печать, да и хороший ретуши не будет. И выиграть можно было только за счет яркого красивого оформления. Я обратился к известному в Москве художнику С. М. Харламову. Но он в то время делал гравюры для большой книги и посоветовал мне обратиться к Ю. И. Селиверстову.

И вот я в доме у Юрия Ивановича. Он к тому времени оформил уже более ста книг. На стенах его большие офорты. Показываю ему фотографии каргопольских вышивок. Они ему очень понравились, он обыграл узоры северной вышивки и ткачества, и книжки, напечатанные самым примитивным способом, высокой печатью, в два прогона, стали нарядными и броскими. На прилавках они не залежались!

Но вот настало время издать альбом «Каргополье. Художественные сокровища», книги «Каргопольская глиняная игрушка» и «Изобразительные мотивы русской народной вышивки». Первая и последняя книги публиковались в одном из лучших столичных издательств – «Советская Россия». Книги шли в серии и печатались в Германии. Издательство дало мне одного из лучших фотографов – Б. К. Грошникова. Он мог так поставить освещение, что черно-белая фотография, ее называют «тоновой», смотрелась подчас лучше цветной. Все съемки производились специальной импортной аппаратурой на плоской (9 x 12 см) пленке «Кодак». Это пленка с очень хорошей цветопередачей и золотистой гаммой. На немецкой пленке снимки имели голубо-

вато-перламутровый оттенок, на ней лучше было снимать природу. Но надо было еще определиться и с фонами, на которых снимать альбом. Грошиков нашел для этой цели коричневый фон, но свет ставил так, что фон как бы переливался почти в черный.

Художнику надо было показать, на каких снимках сделать акцент, что дать на разворот или на полосу, а что можно было дать мельче. Послали в Каргополь снимать вещи в музее и архитектуру известного мне по Музею Рублева фотографа Ю. В. Робинова. Поехал он весной, пока деревья еще не распустили листву и воздух наиболее прозрачен. Привез съемку. Посмотрели и решили, что деревянную архитектуру будем печатать со старых стёкол-негативов, хранящихся в Музее архитектуры. Новая, даже очень крутая аппаратура не всегда может передать «воздух», объем изображения, и оно делается как бы плоским. При съемке архитектуры фотограф может долго искать точку, с которой лучше смотрится объем. И для этого лучше поймать освещение утренним или вечерним солнышком. Старые фотографы это умели!

А вот макет книги о каргопольской игрушке пришлось делать полностью мне самому: издательство «Художник РСФСР» находилось в Ленинграде, и я не мог отслеживать работу художника. Начали печатать книгу в типографии «Детская книга», ездил каждый день подписывать корректуру. Обложку планировали сделать оклеенной коричневым штапелем с тиснением «Юбилейной фольгой», а прислали штапель зеленого цвета. Какими же тогда должны быть форзацы, то есть бумага, приклеенная к обратной стороне обложки? Не знаю, что и придумать. Выручил замечательный художник Б. А. Диодоров, книга которого печаталась на соседней машине. Он долго думал, смотрел и сказал, что форзац будет цвета воронова крыла. Все были в шоке, но в книге-то форзац смотрится. Была для книги сделана и даже отпечатана красочная суперобложка. Но в типографии сказали, что некому эту обложку одеть на книгу. Так и осталась она раздетой. В страну пришла перестройка...

Когда в издательском и книжном деле, в пору перестройки, началась полная разруха, я стал делать книги сам. Сначала я пишу, затем отдаю кандидату исторических наук В. П. Терехову, сотруднику издательства «Наука». Затем рукопись читает корректор А. Ю. Андреева, много лет проработавшая в «Профиздате», и вместе мы снимаем её замечания. Уже потом с наборщиком «Профиздата» С. А. Бурукиным верстаем текст, картинки и все элементы украшения будущей книги. Подбираю как можно больше иллюстраций и само художественное оформление книги беру на себя. Затем вычитыва-

ем верстку вместе с редактором и корректором. И лишь тогда я еду в типографию. Там определяемся, на какой бумаге будет печататься книга, какой будет обложка, определяем оптимальный тираж, подсчитываем, сколько все это будет стоить, и подписываем договор. А ведь тираж надо еще привезти в музей. Так были напечатаны два разных издания книги «Схимонахиня Макария», «Узоры русской народной вышивки и ткачества», «История Болдина монастыря», которую владыка Смоленский и Дорогобужский Исидор наградил серебряной медалью.

Но вот делали книгу «Сокровище благих», основанную на письмах сосланному в Каргополь П. М. Обыденному, сохраненных М. В. Хвалынской. Договорился с приятелем, что он оплатит печать и возьмет себе весь тираж, а мне даст авторские семь процентов книгами. Взяли хорошего верстальщика, художника-оформителя, только новоявленный «бизнесмен» пожалел денег: размер букв заказал помельче, чтобы на выходе книга получилась подешевле. И сэкономил-то немного, а замечательная по содержанию и оформлению книга была погублена. Были и проекты, которые вообще не увидели свет.

Музей матушки Макарии

Как я уже говорил, родина моей мамы – Смоленщина, тот самый Гжатский р-н, который сегодня называется Гагаринским. Так было увековечено имя нашего великого земляка, первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Жили мои родственники в одной волости. Молодыми ходили друг к другу на деревенские гулянки. Алексей Иванович Гагарин, отец Юрия Алексеевича, любил танцевать с моей тетей Татьяной Николаевной, они были почти ровесники. Моя мама, Александра Николаевна, видела трехлетнего Юрия последний раз в 1937 г. Когда семья маминого брата Сергея переехала в Гжатск, весельчак Юра учился в одном классе с тихой и скромной, белокурой, голубоглазой моей двоюродной сестрой Тоней, которая сидела с ним за одной партой. В родном Юрию Алексеевичу Клушине до недавнего времени жила моя тетя Лена, а теперь живет её дочь. Да и в Гагарине живут мои родные и близкие.

И вот случилось так, что Смоленщина позвала меня в начале 1985 г. Меня привезли в село Темкино к схимонахине Макарии. Имя матушки Макарии было тогда хорошо известно среди церковного люда. К ней ехали с разных концов нашей страны со своими болезнями душевными и телесными, и она, расплачиваясь своим здоровьем, исцеляла людей. Постоянно ездила к ней и Анна Тимофеевна, мать Юрия Гагарина. Не раз бывал у нее и сам Юрий Алексеевич, и она в их последнюю встречу строго предупредила: «Больше не летай. Тебе нельзя боль-

ше летать». Но он не услышал ее предостережений и погиб дней десять спустя.

Не счесть тех молитв, что вознесла схимонахиня Макария ко Господу и Матери Божией о нашей Родине, о России в лихие 1990-е годы...

Сто пятьдесят раз за восемь с половиной лет побываю я у схимонахини Макарии, собирая материал для книг «Богом данная» и «Схимонахиня Макария». Эти книги будут выходить большими тиражами не только у нас в России, но и за рубежом – в США, Польше, Словакии. Из Польши архимандрит Никодим, игумен монастыря святых Кирилла и Мефодия, писал, что напечатанный тираж раскупили за две недели. Таким образом мне предстояло увековечить память великой молитвенницы за Россию.

И теперь в смоленской деревне Тёмкино, напротив

Храм в с. Темкино в честь Смоленской иконы Божией Матери

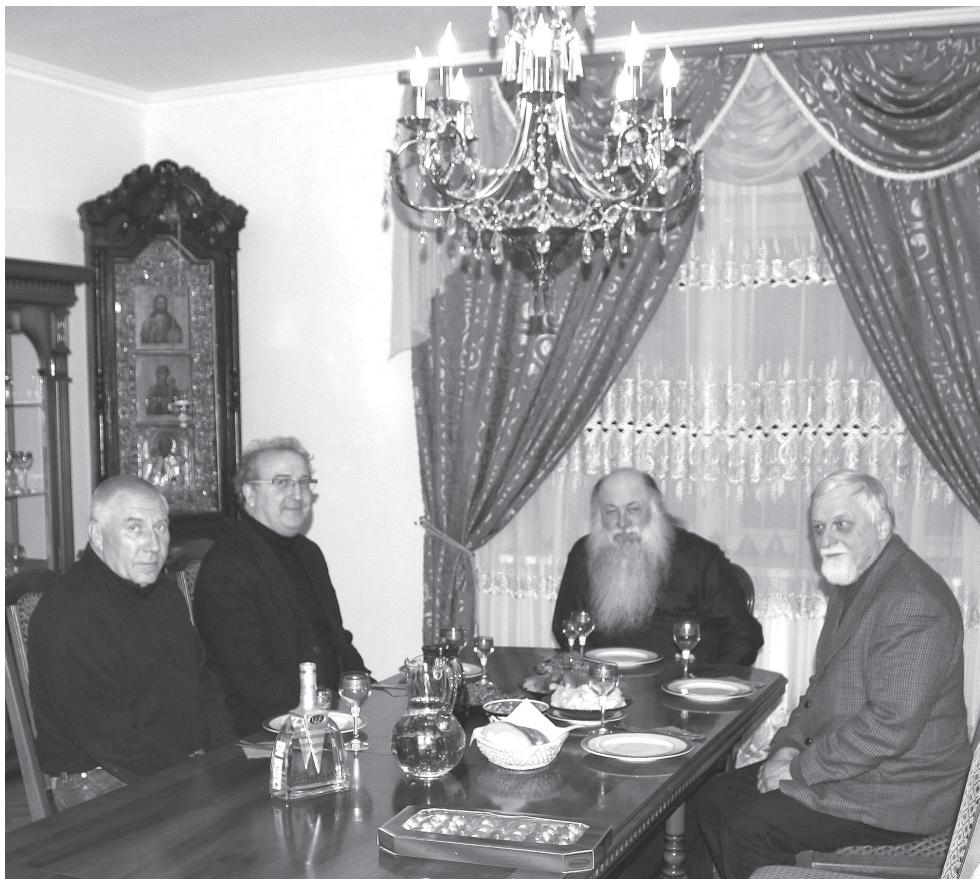
тив её дома, где ею на протяжении полувека совершился духовный подвиг, воздвигнут дивный деревянный храм, подобный церкви Ризоположения, что на Русском Севере, в Вологодчине, и колокольня. А рядом в большом доме разместился «Народный музей схимонахини Макарии». Свои двери для многочисленных посетителей он открыл в 2003 г., и за это время его посетили паломники из 25 стран (Австралия, Канада, США, Германия, Швейцария, Ирландия, Италия и ряд стран Латинской Америки). В музее можно получить и книгу о жизненном пути подвижницы, и документальный фильм, и открытки с ее фотографиями и иконописными изображениями, и какой-либо сувенир. С 2000 г. мне пришлось не только все это строить и оборудовать, но и каждый год по шесть месяцев кряду работать в музее: полностью делать экспозицию в двух залах, водить экскурсии и убираться всесто уборщицы. Все это уже на протяжении 21 года, на общественных началах.

Несколько лет тому назад приехали ко мне насельники Свято-Троицкого Болдина монастыря времен Ивана Грозного и Бориса Годунова, что невдалеке от города Дорогобужа. Посмотрели мой музей и попросили им тоже помочь обустроить монастырский музей. Наш великий реставратор древнерусской архитектуры Петр Дмитриевич Барановский много сделал для того, чтобы в первые годы советской власти воссоздать красоту и величие этой древней обители, даже устроил там музей. Но в 1929 г. все экспонаты были увезены на 200 телегах, а потом и вообще пропали. А в 1943 г., отступая, фашистские захватчики вообще взорвали в Болдино три самых выдающихся памятника древнерусской архитектуры XVI в.

Великих трудов стоило восстановление в наши дни по чертежам Барановского этой древней обители. И вот обитель вновь воссоздана. И обо всем этом я, как режиссер, сделал двухсерийный документальный фильм «Белый монастырь», который можно посмотреть в интернете, в ютубе. Отснял и составил альбом «Свято-Троицкий Болдин монастырь», написал книгу «История Болдина монастыря» и оборудовал вместе с братией музей. Но что самое главное, нашел изображение основателя обители, преподобного Герасима. До сего времени было известно только его неточное изображение XIX в., а я нашел образ святого середины XVIII столетия, точно совпадающий с описаниями XVII в. в иконописных подлинниках.

В прошлом году написал книгу о Гжатском крестьянском восстании 1918 г. Невинных крестьян тогда нередко расстреливали без суда и следствия. А сегодня за неимением соответствующих документов нет оснований и для реабилитации. Спасибо хоть президент Б. Н. Ельцин в Указе № 931 от 18 июня 1996 г. осудил политические репрессии и признал неправильным называть отчаявшихся крестьян – участников восстаний 1918–1922 гг., обранных доистории продразверсткой и другими поборами, участниками бандформирований.

А теперь, кроме других работ, должен буду написать книгу «Как жить, чтобы святу быть». В ней необходимо рассказать о наших современниках – недавно почивших старцах в миру и их духовных подвигах. Читатель же, познакомившись с книгой, возможно, глядя на их духовный опыт, и сам захочет хоть чуть-чуть стать лучше.

С настоятелем Свято-Троицкого Болдина монастыря архимандритом Антонием

Примечания

- 1 Петтигру Р. Ф. Торжествующая плутократия / под ред. Д. А. Ихока, с предисл. Б. Горева. М.: Московский Рабочий, 1922. – 392 с.
- 2 Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

LIFE WAY IN THE EYES OF AN ETHNOGRAPHER

Abstract. The memoirs of the ethnographer, hagiographer, spiritual writer, collector and connoisseur of Russian traditional culture G. P. Durasov are a brief outline of the author's life path, full of «non-random» meetings. We continue to publish individual essays, selected by the author for our journal, relating to ethnographic topics. Long-term cooperation and friendship of the journal's staff with Gennady Petrovich have been marked by his bright publications on various topics more than once. The author's bright language, his sharp gaze and special memory of the cultural past have long won him reader recognition. This essay contains previously unpublished memoirs about the years of study, the first expeditions, etc. Christianity, Orthodoxy has always accompanied the author on the path of life and determined his vital interests.

Key words: Russian ethnography, Orthodoxy, Russian traditional culture, folk art, field ethnographic research, Russian folk embroidery, folklore, black grouse, publishing G. A. Kulishov, folk museum of schema-nun Makaria, artists S. A. Zverev and N. S. Morozov, V. M. Zaitsev, Moscow River College, State Historical Museum, Kargopol toy, Ulyana Babkina, Russian North, ditties, M. V. Khvalynskaya, scientific and educational journals of the USSR, A. N. Khromulina, V. V. Kirichenko, N. A. Krehaleva.

For citation: Durasov G. P. 2022. Life path through the eyes of an ethnographer. *Traditsii i sovremennost* 31: C. 68–85.